

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
К32

LOVE MAY FAIL
by Matthew Quick

Перевод с английского *Марины Тогобецкой*

Публикуется с разрешения автора и литературных агентств
Sterling Lord Literistic and The Van Lear Agency LLC

Оформление обложки *Екатерины Климовой*

Квик, Мэтью.

К32 Иногда любовь подводит: [роман] / Мэтью Квик; [пер. с англ. М.В. Тогобецкой]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 384 с.

ISBN 978-5-17-096194-8

Когда муж закрутил роман с молоденькой девчонкой, привычный мир Поршии Кейн рухнул как карточный домик. Что делать? Ни приличной работы, ни поддержки родных: у Поршии осталась только сумасшедшая мать, которой бы тоже самой не помешала помощь. Спасти женщину от саморазрушения может лишь тот, кто подарил ей веру в прекрасный мир — школьный учитель английского языка мистер Вернон. Но и он, оказывается, тоже сломлен. При поддержке старых школьных друзей Поршия пытается помочь бывшему наставнику. Но сможет ли она спасти его и себя саму?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-096194-8

© Matthew Quick, 2015
© Тогобецкая М., перевод, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Моим учителям и ученикам

Дети не запоминают, чему ты их там пытаешься учить. Они запоминают тебя — таким, какой ты есть.

Джеймс Хенсон¹
«Трудно быть Марком Грином»

Мы — те, кем притворяемся, и потому нужно очень тщательно продумывать образ, который мы на себя берем.

Курт Воннегут «Матерь Тьма»

---

¹ *Джеймс Мори Хенсон* — американский кукольник, актер, режиссер, сценарист, продюсер. Создатель телепрограммы «Маппет-шоу».

Поршия Кейн, официальный
ПРЕДСТАВИТЕЛЬ РОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО

Эта карточка дает вам право на красоту и уродство, на страдание и счастье, на взлеты и падения и на все, что между небом и землей. Она гарантирует вам право стремиться, мечтать, расти и становиться тем человеком, каким вы хотите быть. Так используйте данный вам шанс, работайте упорно и много, наслаждайтесь жизнью — и помните: вы сами выбираете, какой станете.

Часть первая

Поршня Кейн

Глава 1

Я стою на коленях в одном из шкафов собственной спальни — как Е.Т.¹ перед белыми решетчатыми дверцами, когда меня вдруг осеняет, словно от удара по голове, и открываются глаза: я — дурная женщина.

Глория Стайнем назвала бы меня женским эквивалентом Дяди Тома.

Тетушка Джемайма?²

Почему это так ужасно отдает расизмом? Это ведь, по сути, всего-навсего метафора. Так откуда расизм?

Я так расстроена и так злюсь, что мне не до выяснения, почему это звучит расистски, пусть истинные феминистки сами придумывают политкорректную метафору.

Я читала, что Глория Стайнем³ однажды работала Зайчиком «Плейбоя» — чтобы продемонстрировать сексизм этой работы. Какими бы ни были ее мотивы — она-таки действительно была Зайчиком «Плейбоя» и мужчины смотрели на нее как на сексуальный объект.

Думаю, Глория именно этого и добивалась, пусть неявно.

Мне кажется, если говорить начистоту, — в глубине души мы все хотим быть желанными, именно этого мы

---

¹ Герой фильма «Инопланетянин» Стивена Спилберга.

² Веселая чернокожая женщина, известный персонаж с упаковок продуктов Quaker Oats.

³ *Глория Мари Стайнем* — американская журналистка, социальная и политическая активистка, видная представительница феминистического движения конца 1960-х — начала 1970-х годов.

жаждем. И возможно, если Глория Стайнем позволяла мужчинам глазеть на ее задницу и щипать ее, прежде чем выйти на трибуну и начать говорить от имени всех представительниц своего пола, то и у меня, быть может, — чисто теоретически! — есть шансы перестать прятаться в собственном шкафу, причем в буквальном смысле, и стать заслуживающей уважения женщиной, которую по достоинству оценят умные молодые девушки и которой они, кто знает, даже захотят подражать.

Как там говорится в старом изречении: «Правда сделает тебя свободным. Но сначала она тебя взбесит».

Это Глория Стайнем сказала, я уверена.

Помнится, я прочитала все о мисс Стайнем во время учебы в колледже, когда была настоящей — хотя и неопытной — феминисткой. Вообще феминисткой в колледже быть легко, когда у тебя есть стипендия и не надо думать, где достать денег, чтобы заплатить за жилье и питание. Ты — женщина в чистом виде. А компромиссы начинаются позже, с возрастом.

Пусть кто-нибудь напомнит мне об этом, когда я снова буду говорить очень умные и правильные вещи, как когда-то давным-давно, когда еще носила четвертый размер одежды.

«Правильно, Поршия Кейн», — говорю я сама себе в шкафу, когда тонкая шпилька «Луи Виттон» впивается мне в левую ягодицу. Во все мои сто тридцать пять фунтов — не так-то плохо для сорокалетней и довольно высокой женщины — упирается сейчас на этот тонкий каблук, и я чувствую себя средневековым монахом, наказывающим свою грешную плоть, всаживая в нее острые шипы. — Получи-ка! И можешь беситься сколько угодно — потому что ты почти готова узреть правду. Ой-ой!

Я освобождаю себя от каблука «Луи Виттона».

Не слишком-то твердо я стою на ногах.

Но я могу измениться!

Когда-нибудь.

А сейчас я, признаться, не думаю, что даже сопливые девочки-подростки, завсегдагаи закускойной «Бургер Кинг», эти, знаете, истребительницы луковых колечек и вопперов

плюс еще, наверное, «дайте-шоколадный-коктейль», когда они в хорошем настроении, — так вот, даже эти фанатки «Бургер Кинг» вряд ли позавидовали бы моему нынешнему положению. А о других и говорить нечего.

Возможно, я должна признать, что я выпила.

Много. «Хеннеси Парадиз Империл». От 2000 \$ за бутылку.

Кен хранит его для особого случая — наверное, для того, когда он, наконец, одним ударом загонит все шары в лузу. Это «мечта всей его жизни»: загнать все шары в лузу одним движением кия. Каковы амбиции! Кен просто пещерный человек. А как он полирует этот свой кий, зажав в кулаке махровую тряпочку, часами... Очень напоминает мастурбацию.

А сегодня *мой* особенный случай.

То, что скоро здесь произойдет, — это и есть «одним ударом все шары в лузу», я вам скажу.

Сегодня вечером я влила в себя то, что Кен ласково называет «своим Хеном со льдом», а потом открыла «семейную реликвию» — хьюмидор Кена размером с чемодан, в котором он хранит контрабандные кубинские сигары. Это отличная коллекция выдержанных сигар, которую он собирал десять лет, заводя весьма сомнительные деловые контакты, и которая обошлась в какие-то немереные тысячи долларов. А потом я оставила хьюмидор открытым, что, по мнению моего мужа, «хуже, чем изнасилование Папы Римского». Мой муж, как бы иронично ни звучало, весьма активный и убежденный католик. Как же может человек, снимающий порнографические фильмы, быть католиком? — возможно, спросите вы. Но давайте будем реалистами. Абсолютно все религиозные люди, которых вы знаете, обязательно *делают* что-то, что должно противоречить их религиозным убеждениям, причем регулярно. Это просто факт.

Ну вот, я плюнула на эти сигары несколько раз, но все-таки удержалась и не стала на них мочиться, хотя первоначальный план был именно таким. И еще я вывалила туда немного соуса для спагетти — с грибами, чтобы уже не сомневаться, что этот фамильный хьюмидор испорчен окончательно и бесповоротно.

О, как же я ненавижу разглагольствования Кена о прекрасных белых пятнышках, которые появляются на его «палочках» со временем, если хранить их при правильной температуре и влажности. «Только посмотри, как они вспыхивают, когда до них добирается огонь, — говорит он, водя этим кусочком рака перед носом и глядя на свои «волшебные палочки» так заворуженно, словно перед ним Алмаз Хоупа¹. — Крошечные кометки», — говорит, улыбаясь с детским изумлением и восторгом, и целых девять лет я тоже улыбалась в ответ. Как идиотка с накрашенными губами. Как состарившаяся Барби.

Ах, я статусная жена. Жена напоказ.

Когда он курит сигары — это всегда выглядит так, будто у него член во рту.

Да знаю я, знаю, что вы думаете. Женщины не должны употреблять такие слова, да? Ну, а мне плевать, я на это кладу — потому что я взрослый человек, потому что здесь не церковь и потому, что Кен действительно всегда неприлично сосет свои сигары.

«Без гомо!» — любит добавлять он, когда обнимает кого-то из мужчин, или произносит комплимент, или еще каким-нибудь образом выражает свое расположение или благодарность. Потому что Кен — жуткий гомофоб.

Как меня угораздило во все это вляпаться? Как, черт возьми, я здесь оказалась? Как я могла выйти замуж за мультяшного персонажа?

Как получилось, что я попала во власть денег, живя в этом тропическом дворце с мраморными полами и двадцатифутовыми потолками, монументальными сводчатыми арками, пальмами в кадках, хрустальными люстрами, бассейном с дорожками, мебелью ручной работы и столовыми приборами из высококачественной нержавеющей стали? По сравнению со всей этой роскошью мой отчий дом кажется землянкой, хлебом, в который и домашний скот побрезгует зайти.

---

¹ Крупный бриллиант (масса — 45,52 карата) глубокого сапфирового цвета. Хранится в Музее естественной истории при Смитсоновском институте в Вашингтоне.

И все-таки...

«Е.Т. звонить домой», — говорю я шкафу и делаю еще один большой глоток «Хена», который Кен называет «излюбленным напитком братьев наших меньших», имея в виду черных.

Вот ведь расист.

Эх, были бы у меня Reese's Pieces¹... Сидя в шкафу, я воображаю, что у меня такой же уродский длинный палец, как у Е.Т., представляя, что мой ноготь светится таким же оранжевым светом, как и мой коньяк, когда я смотрю сквозь него на светильник в спальне.

«Л-л-л-ииииии...» — тяну я, точно как пришелец, когда он обращался к маленькому мальчику Эллиоту в фильме.

Слышу, как открывается входная дверь и срабатывает сигнализация.

Каждый мускул в моем теле напрягается.

Слышу, как она смеется, когда он набирает код — наши дни рождения вперемешку: мой месяц, его год.

Голос у нее детский и заставляет меня вспомнить о Смурфетте — хотя это, возможно, потому, что она называет его «папочка».

Серьезно — она так его называет! *Папочка*. Как будто он Эрнест Хемингуэй.

— Снято с охраны, — рапортует робот системы безопасности.

«Очень злая истеричная жена в шкафу, — шепчу я. — Берегитесь».

Я вам не сказала кое-что. У меня в руке — любимый «кольт» Кена сорок пятого калибра. Он клянется, что эта штука может остановить на ходу несущийся грузовик одним выстрелом в двигатель, поэтому я абсолютно уверена, что легко смогу прекратить их сексуальные игры.

Я решила, что убью их обоих. Застрелю.

Представляю себе: их головы взорвутся, как пиньята.

Он, должно быть, лапает ее, потому что она хихикает, пока они шаг за шагом приближаются ко мне по лестнице.

---

¹ Ароматизированные конфеты на основе арахисового масла.

— Это твоя жена, папочка? — слышу я ее голос и понимаю, что она тычет пальчиком в наш семейный портрет, висящий на стене. Кен в сером в полоску костюме от «Армани». Я — в своем лучшем маленьком черном платье от «Каролины Эрреры». Мы оба выглядим как Тони Монтана¹, чей образ был вдохновлен фильмом «Американская готика». А ее, похоже, совсем не смущает тот факт, что Папочка может быть женат.

— Она умерла, — говорит Кен. — Рак по женской части.

Он очень прагматичный человек. Не слишком креативно, зато эффективно.

И на секунду я действительно ему верю — и правда *чувствую себя мертвой*.

Как будто меня нет.

Как будто я исчезла навсегда.

Ничего.

— Грусть, — вздыхает девица. Она, похоже, предпочитает употреблять односложные слова, когда дело не касается ее Папочки. — Ты ее любил?

— Давай не будем о грустном, — отвечает Кен, и она снова визжит и хихикает.

— Ты такой сильный! — заявляет она, и я чувствую рвотный позыв, представляя, как он там ее лапает.

Предел.

Кен всегда хвастается, что не изменяет мне ни с одной из своих «актрис», как будто с его стороны это бог весть какой подвиг (если, конечно, это правда). Он всегда говорит своим сотрудникам: «Нельзя гадить там, где ешь», имея в виду: «Не трахайте девушек, которых мы снимаем и продаем! Зато вполне можно трахать всех остальных женщин в мире».

Вот это этические принципы Кена. Моего мужа-католика.

Интересно, может быть, она проститутка и просто играет роль? Потому что уж слишком она безмозглая для реальной девушки.

---

¹ Антонио «Тони» Монтана — персонаж фильма Брайана Де Пальмы «Лицо со шрамом» в исполнении Аль Пачино.

Забавно, но это предположение заставляет меня задуматься: если она действительно проститутка — мне будет сложнее выстрелить ей в лицо, ведь она просто делает то, за что платит ей Кен, то есть выполняет свою работу. Но раз я убью его — мне придется убить и ее, свидетели ни к чему. Да и потом, единственный шанс для меня быть оправданной и признанной невиновной в убийстве на суде — это предстать перед судьей-женщиной, которая поверит, что я действовала в состоянии аффекта. А ведь никто, ни одна женщина не сможет, находясь в состоянии аффекта и держа в руках огромное ружье, удержаться и не выстрелить в голову девушке, с которой она застала своего мужа.

Я двумя руками обхватываю «кольт» 45-го калибра, готовясь палить внутрь комнаты и убивать все живое вокруг, подобно персонажам Квентина Тарантино. Я обращаюсь к своим внутренним Глории Стайнем и Анджеле Дэвис¹ — и даже к своей внутренней Линде Картер².

«Давай-ка разозлись! Возьми все под контроль! Будь настоящей феминисткой!»

Через решетчатые створки шкафа я вижу, что последняя пассия Кена, разумеется, маленькая блондиночка. И ей лет двадцать от силы. И если она весит больше сотни фунтов — я отгрызу себе руку.

Абсолютное ничто.

Студенточка, которой еще и алкоголь не продают.

Ребенок.

Кену сорок шесть, хотя выглядит он моложе.

Он слегка напоминает Тома Селлека³ образца 1983 года со своими этими старомодными усами и волосами на груди, которые вдруг недавно появились.

---

¹ *Анджела Ивони Дэвис* — американская правозащитница и писательница. В 1970-х годах была символом движения за права заключенных.

² *Линда Картер* — американская актриса и певица, представительница США на конкурсе «Мисс Мира» в 1972 году. Поддерживает движение за права сексуальных и гендерных меньшинств.

³ *Томас Уильям «Том» Селлек* — американский актер, известный по роли в телесериале «Частный детектив Магnum» (1980–1988), за которую получил «Эмми».

Его пиджак и галстук летят на пол. Она расстегивает ему пальчиками рубашку. Платье долой — через голову. Розовый лифчик и хлопчатобумажные трусики делают ее еще моложе.

Теперь они изображают некое подобие танца, глядя друг другу в глаза, двигая бедрами — как будто играет медляк «Stairway to Heaven»¹ и они никак не могут дождаться быстрой части. (Ох уж эти молодежные танцы, память о них не дает мне покоя даже в такие моменты, как сейчас!)

Она сосет его нижнюю губу так, будто это большой леденец.

Я уговариваю себя подождать — пусть он приступит к делу, чтобы у меня были неопровержимые доказательства. И тогда я выскочу, обезумевшая от ревности жена-из-табакерки, и застрелю Кена из его собственного револьвера, как только он вставит свой короткий вялый член в нее.

Они довольно быстро оказываются в постели, и хотя они под одеялом (мой Кельвин Кляйн, коллекция «Акация», между прочим!) — я с уверенностью могу сказать, что вот сейчас он официально совершает адюльтер. Потому что издает эти характерные булькающие похрюкивания, недвусмысленно намекающие, что он вот-вот кончит.

Это длится всего-то девяносто секунд.

А я все еще сижу в шкафу и смотрю, как шевелится голубое одеяло, Кен начинает биться в заключительной агонии — его прикрытый одеялом зад конвульсивно дергается туда-сюда, словно издыхающий кит. А я только и думаю о том, как эта девушка похожа на ту актрису, которая играет Кхалиси в «Игре престолов».

Что ж, я бы ни за что не хотела увидеть *это* шоу еще раз.

Кен достигает кульминации и хрюкает в последний раз. Не думаю, что Кхалиси получила оргазм — и судя по тому, что Кен уже лежит на спине, тяжело дыша, ей ничего не светит.

Где-то далеко Глория Стайнем укоризненно качает головой — она разочарована. Анджела Дэвис вычеркивает

---

¹ Песня британской рок-группы Led Zeppelin.

меня из списков прогрессивных женщин. Линда Картер хочет конфисковать у меня все браслеты и голубые трусики со звездами, прежде чем задушить меня своим лассо Чудо-Женщины.

Тридцать минут назад я готова была провести остаток жизни в тюрьме. Мне даже казалось, что это будет очень героически.

«Но если ты действительно собиралась убить Кена — зачем ты испортила хьюмидор и сигары?»

Ах, мой сообразительный читатель, вы знаете меня лучше, чем я сама себя знаю.

И теперь все это выглядит как какая-то глупая шутка.

Весь мой жизненный опыт сейчас не имеет никакого значения и веса.

Я начинаю смеяться и не могу остановиться.

У меня просто нет сил сопротивляться комедии собственной жизни.

В памяти вспыхивает воспоминание о нашем знакомстве с Кеном — это было в Майами. На мне был красный сарафан, автозагар и старые поддельные Ray-Ban. Мы сидели с подругой-официанткой на веранде кубинского ресторана «Оливковый сад», отдыхая от работы и купаясь в роскоши своей пусть уже уходящей, но все-таки молодости, ели бесподобный соус из черной фасоли и еще теплые, только-что-с-жаровни жареные бананы — эти удивительные детали приходят на память независимо от моего желания, — а Кен подошел к нам и предложил Кариссе пятьсот долларов за ее место.

— Вы не поменяетесь со мной местами? — так он сказал.

Мы с Кариссой обе рассмеялись и смеялись до того момента, как он выложил деньги веером на стол — хрустящие, новенькие сотенные бумажки, которые он вынул из кармана пиджака как какой-нибудь колумбийский наркоторговец.

На нем был белый костюм, а в руках он держал роскошную трость с ручкой из слоновой кости — и это был первый звоночек, на который я должна была обратить внимание.